

ГУВЕРНАНТКА

Сестры одни в комнате. Свет погашен. Между ними темнота, только постели слегка светятся белым. Девочки дышат чуть слышно, можно подумать, они уснули.

— Эй! — вдруг робко, почти испуганно шепчет во тьму младшая сестра, двенадцати лет от роду.

— Что такое? — отвечает со своей кровати вторая девочка; она всего на год старше.

— Не спишь? Это хорошо. Я хотела рассказать тебе кое-что.

Молчание, только зашуршало одеяло. Сестра приподнялась, выжидающе смотрит, в темноте чуть заметно блестят ее глаза.

— Знаешь... Я хотела сказать... Только сначала ты скажи, тебе не кажется, что в последнее время с нашей фрейлейн что-то не так?

Сестра медлит, раздумывая.

— Да... — говорит она наконец. — Правда, не знаю, что такое... Она теперь как будто стала не так строга. Недавно я два дня не делала заданий, а она ничего мне не сказала. И потом, она стала такая... Не знаю, как сказать... Как будто она больше не занимается нами, как раньше, не играет, а все время сидит в стороне.

— Мне кажется, ей очень грустно, но она не хочет этого показывать. Она даже за фортепиано не садится.

Обе снова замолчали.

— Ты ведь хотела что-то рассказать, — напоминает старшая.

— Да, но обещаю, что никому не проболтаешься. Ни маме, ни подруге — никому.

— Да нет же, нет! — нетерпеливо уверяет сестра. — Ну, говори!

— Так вот... Сейчас, когда мы с тобой пошли спать, я вдруг вспомнила, что не пожелала нашей фрейлейн доброй ночи. Туфли я уже сняла, но все равно пошла к ней в комнату, тихо-тихо, хотела сюрприз сделать. Я осторожно открыла дверь... Поначалу подумала, что там никого нет. Свет горит, а ее не видно. А потом — я ужасно испугалась — услышала, как кто-то плачет. И тут я разглядела, что она одетая лежит на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Она так всхлипывала, что мне стало страшно. Фрейлейн меня не заметила. Я тихо закрыла дверь. Пришлось еще немножко постоять у двери — я так дрожала! А потом фрейлейн снова начала всхлипывать, и я убежала вниз.

Сестры замолчали, потом одна чуть слышно прошептала:

— Бедная фрейлейн.

— Интересно, почему она плакала? — говорит младшая. — Она ведь ни с кем не ссорилась в последнее время. Мама оставила ее в покое, не придирается, а мы-то уж точно ничего такого не сделали. Почему, как ты думаешь?

— Кажется, я догадываюсь, — отвечает старшая.

— Почему? Скажи!

Сестра медлит. Потом говорит:

— Она влюблена.

— Влюблена? — Младшая вздрагивает от неожиданности. — Влюблена? В кого?

— Разве ты ничего не заметила? — спрашивает старшая.

— Ну, не в Отто же...

— Почему нет? И он в нее не влюблен, ты хочешь сказать? Ведь он учится и живет у нас уже три года, но раньше никогда не гулял с нами, а последние пару месяцев — чуть ли не каждый день... Он на нас внимания не обращал, до того как появилась фрейлейн, а теперь днями напролет с нами возится. И везде мы его «случайно» встречаем: в городском парке, Фольксгартене или Пратере, где мы всегда с фрейлейн. Неужели ты сама не замечала?

Младшая испуганно шепчет:

— Да... да... Конечно замечала... Но я думала просто... — Тут голос изменяет ей и она замолкает.

— Я раньше тоже так думала. Мы, девочки, ведь такие глупые. Но я вовремя сообразила, что мы для него лишь предлог.

Сестры замолкают. Разговор как будто окончен. Они погружаются каждая в свои мысли, а может, и в сны.

И вдруг в темноте снова звучит озабоченный голос младшей:

— Но почему же она плачет? Она ведь нравится ему. Я всегда думала, что это здорово — в кого-нибудь влюбиться.

— Не знаю, — сонно отвечает старшая. — Я тоже всегда считала, что это здорово.

И снова младшая, уже засыпая, тихонько и сочувственно вздыхает:

— Бедная фрейлейн...

В комнате становится тихо.

На следующее утро они об этом больше не говорят, но каждая чувствует, что мысли их занимает одно и то же. И как они ни избегают друг друга, как ни отводят глаза в сторону, взгляды их невольно встречаются, когда обе искоса поглядывают на гувернантку. За столом сестры наблюдают за Отто — кузенком, который вот уже несколько лет живет с ними под одной крышей, — как за чужим. Они не заговаривают с ним, но в их глазах под полуприкрытыми веками трепещет один вопрос: не подаст ли он какого-нибудь знака фрейлейн. Девочки нервничают. Сегодня они не играют, а лишь хватаются то за одно, то за другое занятие, встревоженные близостью тайны. И только вечером одна преувеличенно равнодушно спрашивает другую:

— Ну, ты что-нибудь заметила?

— Нет, — отвечает сестра и отворачивается. Обе почему-то боятся говорить об этом.

Так, в беспокойстве и постоянных наблюдениях, проходит еще несколько дней. Несколько дней вблизи волнующей тайны.

Наконец одна замечает, как за столом гувернантка глазами подает знак Отто, а тот в ответ кивает. Девочка дрожит от волнения, незаметно под столом трогает руку сестры и, когда та оборачивается, бросает ей сверкающий взгляд. Сестра все мигом понимает, и ее тоже охватывает беспокойство. Сразу после обеда фрейлейн говорит девочкам:

— Ступайте в свою комнату и займитесь чем-нибудь. У меня разболелась голова, я хотела бы полчаса отдохнуть.

Девочки опускают глаза, легонько толкают друг друга локтями. И едва гувернантка уходит, младшая подскакивает к старшей:

— Смотри, сейчас Отто пойдет к ней в комнату.

— Конечно! Не зря же она нас отослала.

— Давай подслушаем под дверью.

— А если кто-нибудь придет?

— Кто?

— Мама.

Младшая испугалась:

— Ну, тогда...

— Знаешь что? — нашла старшая. — Давай я встану под дверью, а ты — в коридоре и дашь мне знать, если кто-нибудь появится. Так мы будем в безопасности.

Младшая недовольно хмурится:

— Но ты ведь потом ничего мне не расскажешь...

— Все как на духу!

— Все?

— Все, даю слово. А ты, если кто-нибудь появится, кашлянешь.

И вот обе стоят в коридоре, дрожа от возбуждения. Кровь стучит в висках. Что же будет? Девочки в страхе прижимаются друг к дружке.

Вскоре раздаются шаги, и сестры бросаются наутек. Так и есть, это Отто. Вот он берется за ручку и скрывается в комнате. Старшая стрелой подлетает к двери и, затаив дыхание, приникает к ней ухом. Младшая так и поедает ее глазами. Любопытство не дает ей стоять в условленном месте, и она тоже

подкрадывается к двери, но сестра сердито отталкивает ее. Девочка снова занимает свой пост и замирает в ожидании. Минута, две, три — время тянется для нее бесконечно. Ее трясет от нетерпения, она переминается с ноги на ногу, подпрыгивает, будто стоит на углях, и едва не плачет от зависти к сестре, которая все слышит. Тут в конце коридора хлопает дверь. Девочка громко кашляет, и обе устремляются в детскую. Там они молча стоят некоторое время, с трудом переводя дыхание.

Потом младшая требует:

— Ну, давай же, рассказывай!

Лицо у старшей становится задумчивым, и она говорит, как будто самой себе:

— Я этого не понимаю.

— Чего?

— Это очень странно...

— Что? Что? — едва задыхается младшая.

Старшая собирается с мыслями. Младшая прижимается к ней всем телом, чтобы ненароком не упустить что-нибудь.

— Это очень странно, — повторяет старшая. — Совсем не так, как я себе представляла. Отто вошел к ней в комнату и, должно быть, хотел обнять и поцеловать, потому что она сказала: «Оставь, мне надо с тобой серьезно поговорить». Я ничего не видела, потому что в замке торчал ключ, но слышала все точно. «Что случилось?» — спросил Отто, и я не узнала его голоса. Ты ведь знаешь, он обычно такой громкий и смелый, а тут я сразу поняла: он чего-то боится. И она тоже сразу заметила, что он притворяется, потому что сказала так тихо: «Ты знаешь...» — «Нет, я ничего такого не знаю», — ответил он. «Так,

значит... — вздохнула она печально-печально. — Почему же ты от меня все время прячешься? Ты за неделю не сказал мне ни слова. Избегаешь меня, даже перестал ходить с детьми в парк. Неужели я стала тебе совсем чужой? О, ты все знаешь...» И Отто сначала помолчал, а потом сказал: «У меня скоро экзамен. Сейчас я очень занят, у меня ни на что больше нет времени. К сожалению, иначе пока не получится». А фрейлейн начала плакать, а потом спросила его сквозь слезы, но как-то мягко: «Зачем ты лжешь, Отто? Скажи мне правду, я это заслужила. Я ведь ничего от тебя не требую, но между нами не должно быть недомолвок. Ты ведь знаешь, что я хочу тебе сказать, я по глазам вижу». — «Что же?» — спросил Отто, совсем тихо. И тогда она сказала...

Тут старшая вся начинает дрожать от волнения, а младшая прижимается к ней еще крепче:

— Ну?

— Она сказала: «У меня от тебя ребенок»!

— Как ребенок? — испуганно отстраняется младшая. — Не может быть!

— Она именно так сказала.

— Ты, наверное, плохо расслышала.

— Нет, нет! Фрейлейн повторила еще раз, как раз когда ты подошла к двери: «Ребенок!» Она долго молчала, а потом спросила: «Что же теперь будет?» И потом...

— Что потом?

— Потом ты кашлянула и мы убежали.

Младшая растерянно смотрит перед собой в одну точку.

— Ребенок... Но это невозможно! Где же он, этот ребенок?

— Я не знаю. Это то, чего я сама никак не могу понять.

— Может, он где-то у нее дома. Может, он у нее давно, еще до того, как она у нас появилась. Мама, конечно, не позволила ей взять его сюда из-за нас... И поэтому фрейлейн такая грустная.

— Глупости! Она ведь тогда совсем не знала Отто.

Снова беспокойная пауза. Сестры лихорадочно ищут разгадку, но тщетно. Вопрос мучает их. Наконец младшая снова прерывает молчание:

— Ребенок — это совершенно невозможно. Она ведь не замужем. А только у замужних бывают дети, я это точно знаю.

— А что, если она была замужем?

— Нет, не глупи... Во всяком случае, не за Отто.

— Но как же тогда?..

Они растерянно смотрят друг на друга.

— Бедная фрейлейн... — вздыхает одна. Время от времени у девочек прорывается этот сочувственный вздох. Но тут же любопытство снова берет свое.

— Интересно, это мальчик или девочка?

— Кто знает!

— А как ты думаешь... Что, если спросить ее об этом? Как-нибудь очень осторожно...

— Ты с ума сошла!

— Почему? Она ведь всегда такая добрая...

— Как тебе взбрело это в голову! О таких вещах с нами не говорят. От нас же все скрывают. Стоит войти в комнату, как взрослые сразу замолкают или начинают болтать с нами какие-нибудь глупости, как будто мы маленькие дети. А ведь мне

уже тринадцать! Зачем спрашивать, если все равно солгут?

— Но мне так хочется знать...

— А мне, думаешь, нет?

— Знаешь что... По крайней мере, Отто ни о чем понятия не имел, вот все, что я поняла. Как же можно не знать, что у тебя есть дети? Это все равно что не знать, что у тебя есть родители.

— Он только притворяется, подлец! Он всегда притворяется.

— Но не в таком деле... Это он только с нами, когда хочет нас провести.

Тут в комнату входит фрейлейн. Девочки сразу умолкают и делают вид, что занимаются. Но постоянно поглядывают в ее сторону. Глаза у фрейлейн как будто покраснели, а голос тише, чем обычно, и дрожит. Девочки притихли и смотрят на нее почти благоговейно. «У нее ребенок, — крутится в голове обеих. — Поэтому фрейлейн такая печальная». И скоро им тоже становится печально.

На следующий день за обедом сообщают неожиданную новость: Отто покидает дом. Дяде он объяснил это тем, что скоро экзамены, надо много работать, а тут его слишком часто отвлекают. Поэтому он хочет снять где-нибудь комнату на месяц-другой, пока экзамены не будут позади.

От этого известия девочек охватывает страшное волнение. Обе чувствуют, что это каким-то таинственным образом связано со вчерашним разговором, и инстинктивно подозревают бегство, трусость. Когда Отто подходит попрощаться с ними, они грубо поворачиваются к нему спиной, но исподтишка

следят, как он прощается с фрейлейн. У нее дрожат губы, но она спокойно, не говоря ни слова, протягивает руку Отто.

В эти несколько дней девочки сильно изменились. Они забыли про свои игры, перестали смеяться, в глазах исчез веселый блеск. Беспокойство и недоверие к окружающим поселились в их душах. Они больше не верят ни единому слову взрослых, везде подозревая обман. Весь день они подслушивают и подглядывают, с жадностью ловят каждый жест, малейшее изменение голоса. Как две бесплотные тени, мелькают они по дому, с замиранием сердца припадая к дверям, мучимые страстным желанием стряхнуть с себя темную сеть загадок или хотя бы взглянуть сквозь нее на действительность. Детская доверчивость, эта пелена счастливого неведения, уже спала с их глаз. По тому, как развиваются события, обе предчувствуют близкую развязку и очень боятся ее пропустить. С тех пор как сестры поняли, что со всех сторон окружены ложью, они насторожились, замкнулись в себе и сами стали лгать. В присутствии родителей они делают наивные лица и пытаются обмануть взрослых детской живостью. Ими владеет беспокойная нервозность. Взгляд стал пытливей, ровный блеск глаз сменился более глубоким, мерцающим сиянием. Постоянное выслеживание очень сблизило их, и они то бросаются друг другу в объятия от внезапно вспыхнувшей потребности в ласке, то вдруг начинают рыдать от ощущения своего бессилия. Их жизнь вдруг круто переменялась, без всякой видимой на то причины.

Из всех несправедливостей, которые сестры стали замечать в жизни, одну они чувствуют особенно остро. Не сговариваясь, они решили доставлять как

можно больше радости своей фрейлейн, которая теперь постоянно грустит. Обе с необыкновенным усердием выполняют все ее задания, беспрекословно слушаются, ни на что не жалуются и предупреждают малейшее ее желание. Но фрейлейн всего этого как будто не замечает, и от этого девочкам очень больно. Она вообще переменялась в последнее время. Часто, когда одна из сестер заговаривает с фрейлейн, та вздрагивает, словно ее разбудили, и взгляд у нее такой, будто она возвращается откуда-то издалека. Часами она сидит в непонятном мечтательном оцепенении. Тогда девочки ходят только на цыпочках, чтобы не мешать ей. Сестры смутно чувствуют: фрейлейн думает о своем ребенке, который где-то далеко. Теперь они особенно любят ее, всей силой своей просыпающейся женственности. Фрейлейн стала заметно нежнее и мягче. Ее обычно порывистая походка стала размереннее, движения — осторожнее. Во всем этом девочки видят признаки скрытой печали. Слез ее они никогда не видят, но веки у фрейлейн часто красны. Сестры понимают, что она хочет скрыть от них свою боль, и приходят в отчаяние оттого, что не могут ей помочь.

И вот однажды, когда фрейлейн стоит, отвернувшись к окну и приложив к глазам платок, младшая набирается храбрости и тихонько касается ее руки:

— Фрейлейн, вы так грустите в последнее время. Скажите, это ведь не из-за нас?

Фрейлейн растроганно смотрит на девочку и проводит рукой по ее мягким волосам:

— Нет, милая, нет. Конечно не из-за вас.

И ласково целует ее в лоб.

Девочки выслеживают и наблюдают, не упуская ничего из того, что попадает в их поле зрения. И вот одна из них, внезапно войдя в комнату, слышит несколько слов. Взрослые тут же замолкают, но и одна фраза уже рождает в голове у сестер тысячи разных предположений.

— Я тоже что-то такое вижу, — говорит мать. — Что ж, учиним ей допрос.

Поначалу девочка принимает сказанное на свой счет и тут же спешит к сестре за советом. Но в обед они замечают, с каким пристальным вниманием смотрит мать на ни о чем не подозревающую фрейлейн.

После еды мать говорит ей, как бы невзначай:

— Прошу вас зайти ко мне в комнату. Мне нужно с вами поговорить.

Фрейлейн молча кивает. Сестер охватывает дрожь, они понимают: что-то должно произойти.

И едва фрейлейн входит в комнату матери, обе приникают к дверям. Теперь постоянное подслушивание, подглядывание и обшаривание потайных уголков стало для них обычным делом. Сестры больше не видят в этом ничего зазорного. У них теперь одна цель — раскрыть все секреты, которыми от них заслоняют жизнь.

Они подслушивают, но не могут разобрать ни слова. Из-за двери доносится только невнятный шепот. Девочки дрожат. Они боятся, что главное ускользнет от них.

Потом голос становится громче. Мать говорит зло и сварливо:

— Или вы думаете, люди слепы и никто ничего не замечает? Могу представить себе, как вы выполняли свой долг с такими мыслями и такой моралью.

Я вам доверила воспитание своих дочерей, а вы! Вы ведь их совсем забросили.

Фрейлейн как будто что-то возражает, но говорит слишком тихо, девочки ничего не могут разобрать.

— Отговорки, все отговорки! — перебивает ее мать. — У такой легкомысленной особы на все найдется отговорка. Так бездумно отдаться первому встречному... А дальше — что Бог даст. И вы взялись воспитывать девочек! Это непростительная дерзость. Надеюсь, вы понимаете, что вам придется сейчас же покинуть этот дом.

Сестры приникли к двери. По спинам у них пробежал холодок. Они ничего не понимают, но гневный голос матери пугает их. Фрейлейн больше не отвечает, до них доносятся только ее приглушенные безудержные рыдания. На глаза у девочек наворачиваются слезы, но мать это распалает еще больше.

— Только плакать вы и горазды! Но меня этим не проймешь. Мне таких, как вы, не жалко. Что с вами теперь будет, меня не волнует. Вам лучше знать, у кого просить помощи, я не спрашиваю вас об этом. Я знаю только, что особа, так пренебрегшая своими обязанностями, не задержится в этом доме ни дня.

В ответ — рыдания, такие отчаянные, иступленные, что девочек затрясло, как в лихорадке. Никогда они не слышали такого плача. Обе смутно чувствуют, что так рыдать может только несправедливо обиженный. Мать молчит, ждет. А потом вдруг резко говорит:

— Это все, что я хотела вам сказать. Собирайте вещи и завтра утром приходите за расчетом. Adieu!¹

¹ Прощайте! (фр.) (Здесь и далее примеч. перев.)

Девочки отскакивают от двери и бегут в свою комнату. Что это было? Словно молния ударила в шаг от них. Они стоят бледные и дрожащие: впервые перед ними приоткрылась действительность. И впервые они осмеливаются внутренне восстать против родителей.

— Как противно разговаривала мама, — говорит старшая, кусая губы.

Младшую как будто еще пугает такое дерзкое замечание.

— Но мы ведь не знаем, что фрейлейн сделала, — жалобно лепечет она.

— Понятно, что ничего плохого, — отвечает старшая. — Фрейлейн не может сделать ничего плохого. Мама просто не знает ее.

— Но как она плакала! Мне стало страшно.

— Да, это было страшно, — соглашается старшая. — А мама на нее кричала. И это было так противно, так мерзко!

Она топает ногой. На глаза ей наворачиваются слезы. В этот момент в комнату входит фрейлейн, она выглядит очень усталой.

— Сегодня у меня много дел, дети, — сказала она. — Вы побудете одни, на вас ведь можно положиться? А вечером я снова к вам приду.

И уходит, не замечая волнения девочек.

— Ты видела, какие у нее заплаканные глаза? — спрашивает одна. — Не понимаю, как мама могла так с ней обойтись.

— Бедная фрейлейн...

Опять эти слова, полные сострадания и слез. Девочки подавлены. Входит мать и спрашивает, не хотят ли они поехать с ней на прогулку, девочки

отказываются. Мать внушает им страх. К тому же их возмущает, что им не сообщают об уходе фрейлейн. Девочки предпочитают остаться одни. Как две запертые в тесной клетке ласточки, мечутся они по комнате, задыхаясь в атмосфере лжи и притворства. Сестры подумывают спуститься к фрейлейн и откровенно обо всем с ней поговорить, сказать, что она должна остаться и что мать не права, но боятся ее обидеть. И потом, им стыдно, ведь все, что они знают, они подслушали и выследили. Поэтому им приходится притворяться и разыгрывать из себя глупышек, какими они и в самом деле были всего пару недель назад. Девочки остаются одни и весь нескончаемый день мучаются разными мыслями, плачут, а в ушах у них неотвязно звучит гневный голос матери и отчаянные рыдания фрейлейн.

Вечером фрейлейн действительно заглядывает к ним, чтобы пожелать спокойной ночи. Девочки дрожат, когда она выходит из комнаты, им хочется что-нибудь еще сказать ей. Но тут, стоя уже в дверях, фрейлейн сама поворачивается, как будто остановленная их немой просьбой. Глаза у нее блестящие. Она обнимает девочек, которые тут же начинают всхлипывать, целует их и поспешно выходит.

Девочки остаются в слезах. Они понимают, что это было прощание навсегда.

— Мы больше никогда ее не увидим, — плачет одна. — Вот увидишь, когда мы завтра придем из школы, ее здесь не будет.

— Может, мы сможем как-нибудь потом ее навестить. И тогда она покажет нам своего ребенка.

— Да, она ведь такая добрая.

— Бедная фрейлейн... — Эти слова звучат горестным вздохом о своей собственной судьбе.

— Ты можешь представить, как нам будет без нее?

— Мне не нужна другая фрейлейн.

— Мне тоже.

— Ни одна больше не будет к нам так добра.

И потом...

Она не решается сказать. Но с тех пор, как они знают про ребенка, пробудившаяся женственность внушает девочкам бессознательное почтение к фрейлейн. Обе думают только об этом, но не с детским любопытством, как раньше, а с глубоким волнением и сочувствием.

— Знаешь... — вдруг говорит одна.

— Что?

— Я хотела бы сделать нашей фрейлейн еще что-нибудь приятное, прежде чем она уедет. Чтобы она знала, что мы ее любим, что мы не такие, как мама... Хочешь?

— Спрашиваешь еще!

— Я подумала, ей ведь очень нравятся белые розы. Знаешь, мы могли бы купить ей парочку, прежде чем уйдем в школу, а потом поставить в ее комнате.

— Когда потом?

— В обед.

— Тогда она точно уже уедет. Знаешь, лучше я сбегаю за розами как-нибудь незаметно рано утром, и мы сразу поставим их к ней в комнату.

— Хорошо. Мы встанем рано-рано.

Девочки достают свои копилки и вытрясают оттуда все до последней монеты. Сестры немного повеселели, с тех пор как придумали способ выразить фрейлейн свою немую, беззаветную любовь.

Они встают очень рано, но, когда с душистыми свежими розами в руках стучатся в комнату фрейлейн, им никто не открывает. Решив, что гувернантка еще спит, девочки на цыпочках входят. Но комната пуста, постель нетронута. Повсюду беспорядок, на столе, на темной скатерти белеет несколько писем.

Девочки пугаются. Что случилось?

— Я иду к маме, — решительно заявляет старшая. И без всякого страха, с мрачным выражением глаз она является к матери и спрашивает в упор:

— Где наша фрейлейн?

— Должно быть, у себя в комнате, — с удивлением отвечает мать.

— В ее комнате никого нет, постель стоит нетронутая. Наверное, фрейлейн ушла еще вчера вечером. Почему ты ничего нам об этом не сказала?

Мать не замечает злого, вызывающего тона вопроса. Она бледнеет и идет к отцу, который немедленно спускается в комнату фрейлейн.

Он надолго исчезает за дверью. Все это время девочка не спускает с матери сердитого взгляда, который та избегает встречать.

Наконец появляется отец. Он бледен как мел и держит в руках два письма. Теперь они скрываются за дверью уже вдвоем с матерью и о чем-то тихо говорят. Девочки стоят снаружи, но не отважива-

ются подслушивать. Обе боятся отца: таким они его никогда раньше не видели.

Мать выходит из комнаты фрейлейн с заплаканными глазами и явно чем-то смущенная. Девочки в смятении подбегают к ней с расспросами, но мать с ходу останавливает их.

— Идите в школу, — велит она. — Уже поздно.

И сестры уходят. Не помня как, они высидивают четыре или пять уроков и со всех ног мчатся домой.

Там все как всегда, только в воздухе витает какое-то страшное предчувствие. Никто ни с кем об этом не заговаривает, при этом все, даже прислуга, глядят странно. Мать выходит навстречу дочерям. Она как будто собирается сообщить им нечто важное.

— Дети, — начала она, — ваша фрейлейн больше не придет. Она...

Но слова замирают у нее в горле. Глаза дочерей сверкают такой неподдельной угрозой, что у нее не хватает духу солгать им. Поэтому мать быстро поворачивается и спасается бегством в свою комнату.

После обеда вдруг появляется Отто. Его вызвали, потому что для него оставлено письмо. Он тоже бледен и растерянно переминается с ноги на ногу. С ним никто не разговаривает. Все избегают его. Увидев забившихся в угол девочек, он хочет с ними поздороваться.

— Не прикасайся ко мне! — вскрикивает одна, содрогаясь от отвращения. Другая плюет на пол перед ним. Отто в смущении бродит некоторое время по дому, а потом исчезает.

Никто не разговаривает с девочками. Сами они тоже хранят молчание. Беспокойные и потерянные,

бродят они по дому, как звери по клетке. Встречаясь, заглядывают друг другу в заплаканные глаза и продолжают молчать. Теперь они знают все: и то, что их обманули, и то, что все люди способны на низость и подлость. Сестры больше не любят своих родителей, они потеряли веру в них. Они поняли, что никому нельзя доверять, и теперь жизнь всей своей тяжестью обрушится на их хрупкие плечи. Из веселого уюта детства они словно сорвались в пропасть. Девочки еще не осознают всего ужаса происшедшего, но мысли об этом давят их и грозят задушить. На их лицах проступает нездоровый румянец, в глазах загораются злые огоньки. Они ежатся от одиночества и не находят себе места. Никто, даже родители, не решаются с ними заговорить, так грозно они смотрят вокруг. В беспокойном блуждании выражается их безмолвная мука. Она рождает некую пугающую общность, понятную без слов. Их непроницаемое, ни о чем не спрашивающее молчание, коварная, замкнутая в себе боль, без криков и слез, пугает и отдаляет их от всех. Никто больше не смеет к ним приблизиться, их души закрылись для внешнего мира, быть может, на долгие годы. Все чувствуют в них врагов, беспощадных, не способных к прощению. Ибо со вчерашнего дня сестры уже не дети.

В этот день они стали старше на много лет. И только вечером, в спальне, в них снова пробуждаются детские страхи — страх перед одиночеством, перед образами мертвецов и вещей страх перед неизвестностью. Среди общего смятения их спальню забыли протопить, и девочки, стуча зубами, ложатся в одну кровать, обнимают друг дружку тонкими ручонками, прижимаются еще не расцветшими телами, как

будто ища спасения от охватившего их ужаса. Ни одна до сих пор не решается заговорить. Наконец младшая раздражается слезами, и старшая отчаянно рыдает вместе с ней. Так, тесно прижавшись друг к дружке, они обливаются горячими слезами — слезы катятся сперва медленно, а потом все быстрее и быстрее. Каждая из сестер чувствует, как бьется сердце другой. Обе они — одна боль, одно всхлипывающее в темноте тело. Оплакивают они не фрейлейн и не родителей, которые потеряны для них навсегда; их обуял безотчетный ужас перед жестокостью неведомой жизни, на которую они сегодня бросили первый, испуганный взгляд. Она встала вдруг перед ними, как темный, полный опасностей лес, через который им предстоит пройти. Но постепенно их страх становится все приглушеннее и неопределеннее, а всхлипы тише. Наконец их дыхания сливаются в одно, как прежде в один поток сливались слезы, и сестры засыпают.

ЛЕТНЯЯ НОВЕЛЛА

Август прошлого года я провел в Каденаббии, одном из тех местечек на берегу озера Комо, что так укромно притаились среди белых вилл и темных деревьев. Даже в самые шумные весенние дни, когда толпы туристов из Белладжио и Менаджио наводняют узкую полоску берега, в городке царят мир и покой, а теперь, в августовский зной, это была сама тишина, солнечная и благоухающая. Отель был почти пуст — немногочисленные обитатели его с недоумением взирали друг на друга, не понимая, как можно избрать местом летнего отдыха этот заброшенный уголок, и каждое утро, встречаясь за столом, изумлялись, почему никто до сих пор не уехал. Меня особенно удивлял один уже немолодой человек, чрезвычайно представительный и элегантный, нечто среднее между английским лордом и парижским щеголем. Он не занимался водным спортом и целые дни просиживал на одном месте, задумчиво провожая глазами струйку дыма своей сигареты или перелистывая книгу. Два несносно скучных, дождливых дня и явное дружелюбие этого господина быстро придали нашему знакомству оттенок сердечности, которой почти не мешала разница в годах. Лифляндец по рождению, воспитывавшийся во Франции,

а затем в Англии, человек, никогда не имевший определенных занятий и — вот уже много лет — постоянного места жительства, он — в высоком смысле — не знал родины, как не знают ее все рыцари и пираты красоты, которые носятся по городам мира, алчно вбирая в себя все прекрасное, встретившееся на пути. По-дилетантски он был сведущ во всех искусствах, но сильнее любви к искусству было аристократическое нежелание служить ему; он взял у искусства тысячу счастливых часов, не дав ему взамен ни одной секунды творческого огня. Жизнь таких людей кажется ненужной, ибо никакие узы не привязывают их к обществу и все накопленные ими сокровища, которые слагаются из тысячи неповторимых и драгоценных впечатлений, никому не завещанные, обращаются в ничто с их последним вздохом.

Однажды вечером, когда мы сидели перед огнем и смотрели, как медленно темнеет светлое озеро, я заговорил об этом. Он улыбнулся:

— Быть может, вы не так уж не правы. А впрочем, я не дорожу воспоминаниями. Пережитое пережито в ту самую секунду, когда оно покидает нас. Поэзия? Да разве она тоже не умирает через двадцать, пятьдесят, сто лет? Но сегодня я расскажу вам кое-что; на мой взгляд, это послужило бы недурным сюжетом для новеллы. Давайте пройдемся. О таких вещах лучше говорить на ходу.

Мы пошли по чудесной дорожке вдоль берега. Вековые кипарисы и развесистые каштаны осеняли ее, а в просветах между ветвями беспокойно поблескивало озеро. Вдалеке, словно облако, белело Белладжио, мягко оттененное неуловимыми красками уже скрывшегося солнца, а высоко-высоко над тем-

ным холмом в последних лучах заката алмазным блеском сверкала кровля виллы Сербелони. Чуть душноватая теплота не тяготила нас; будто ласковая женская рука, она нежно обнимала тень, наполняя воздух ароматом невидимых цветов.

Мой спутник нарушил безмолвие:

— Начну с признания. До сих пор я умалчивал о том, что уже был здесь в прошлом году, именно здесь, в Каденаббии, в это же время года, в этом же отеле. Мое признание, вероятно, удивит вас, особенно после того, как я рассказывал вам, что всю жизнь избегал каких бы то ни было повторений. Так слушайте. В прошлом году здесь было, конечно, так же пусто, как и сейчас: тот же самый господин из Милана целыми днями ловил рыбу, а вечером бросал ее обратно в воду, чтобы снова поймать утром; затем две старые англичанки, тихого и растительного существования которых никто не замечал; потом красивый молодой человек с очень милой бледной девушкой — я до сих пор не верю, что они муж и жена, уж слишком они любили друг друга. И наконец, немецкое семейство, явно с севера Германии: пожилая ширококостая особа с волосами соломенного цвета, некрасивыми, грубыми движениями, колючими стальными глазами и узким — словно его ножом прорезали — злым ртом. С нею была ее сестра — да, бесспорно сестра, — те же черты, но только расплывшиеся, размякшие, одутловатые. Они проводили вместе весь день, но не разговаривали между собой, а молча склонялись над рукоделем, вплетая в узоры всю свою бездумность, — неумолимые парки душевного мира скуки и ограниченности. И с ними была молоденькая девушка лет шестнадцати, дочь одной

из них, не знаю, чья именно; угловатая незавершенность ее лица и фигуры уже сменялась женственной округлостью. В сущности, она была некрасива — слишком худа, слишком незрела и, конечно, безвкусно одета, но в ней угадывалось какое-то трогательное, беспомощное томление; большие глаза, полные темного огня, испуганно прятались от чужого взгляда и поблескивали мерцающими искорками. Она тоже повсюду носила с собой рукоделье, но руки ее часто медлили, пальцы замирали над работой, и она сидела тихо-тихо, устремив на озеро мечтательный, неподвижный взгляд. Не знаю, почему это так хватало меня за душу. Быть может, мне просто приходила на ум банальная, но неизбежная мысль, которая всегда приходит на ум при виде увядшей матери рядом с цветущей дочерью — человека и его тени, — мысль о том, что в каждом юном лице уже таятся морщины, в улыбке — усталость, в мечте — разочарование. А может быть, меня просто привлекало это неосознанное, смятенное, бьющее через край томление, та неповторимая, чудесная пора в жизни девушки, когда взгляд ее с жадностью устремляется на все, ибо нет еще того единственного, к чему она прилепится, как водоросли к плавучему бревну. Я мог без усталости наблюдать ее мечтательный, влажный взгляд, бурную порывистость, с которой она ласкала каждое живое существо, будь то кошка или собака, беспокойство, которое заставляло ее браться сразу за несколько дел и ни одно не доводить до конца, лихорадочную поспешность, с которой она по вечерам проглатывала жалкие книжонки из библиотеки отеля или перелистывала два растрепанных, привезенных с собой томиков стихов, Гете и Баумбаха... Почему вы улыбаетесь?

Я извинился и объяснил:

— Видите ли, меня рассмешило это сопоставление — Гете и Баумбах.

— Ах вот что! Конечно, это несколько смешно. А с другой стороны — ничуть. Поверьте, молодым девушкам в этом возрасте совершенно безразлично, какие стихи они читают — плохие или хорошие, искренние или лживые. Стихи — лишь сосуды, а какое вино — им безразлично, ибо хмель уже в них самих, прежде чем они пригубят вино. Так и эта девушка была полна смутной тоски, это чувствовалось в блеске глаз, в дрожании рук, в походке, робкой, скованной и в то же время словно окрыленной. Видно было, что она изнывает от желания поговорить с кем-нибудь, поделиться чрезмерной полнотой чувств, но вокруг не было никого — одно лишь одиночество, да стрекотание спиц слева и справа, да холодные, бесстрастные взгляды обеих женщин. Бесконечное сострадание охватывало меня. И все же я не решался подойти к ней. Во-первых, что для молодой девушки в подобные минуты такой старик, как я? Во-вторых, мой непреодолимый ужас перед всякими семейными знакомствами и особенно с пожилыми мешанками исключал всякую возможность сближения. И тут мне пришла в голову довольно странная мысль — я подумал: вот передо мной молодая, неопытная, неискушенная девушка; наверно, она впервые в Италии, которая благодаря англичанину Шекспиру, никогда здесь не бывавшему, считается в Германии родиной романтической любви, страной Ромео, таинственных приключений, оброненных вееров, сверкающих кинжалов, масок, дуэний и нежных писем. Она, конечно, мечтает о любви, а кто может постичь девичьи мечты, эти белые, легкие облака,

которые бесцельно плывут в лазури и, как все облака, постепенно загораются к вечеру более жаркими красками — сперва розовеют, потом вспыхивают ярко-алым огнем. Ничто не покажется ей неправдоподобным или невозможным. Поэтому я и решил изобрести для нее таинственного возлюбленного.

В тот же вечер я написал ей длинное письмо, исполненное самой смиренной и самой почтительной нежности, туманных намеков и... без подписи. Письмо, ничего не требовавшее и ничего не обещавшее, пылкое и в то же время сдержанное, — словом, настоящее любовное письмо из романтической поэмы. Зная, что, гонимая смутным волнением, она всегда первой выходит к завтраку, я засунул письмо в ее салфетку. Настало утро. Я наблюдал за ней из сада, видел ее недоверчивое удивление, внезапный испуг, видел, как яркий румянец залил ее бледные щеки и шею, как она беспомощно оглянулась по сторонам, как она поспешно, воровским движением спрятала письмо и сидела растерянная, почти не прикасаясь к еде, а потом выскочила из-за стола и убежала подалее, куда-нибудь в тенистую безлюдную аллею, чтобы прочесть таинственное послание... Вы хотели что-то сказать?

Очевидно, я сделал невольное движение, которое мне пришлось объяснить:

— А не было ли это слишком рискованно? Неужели вы не подумали, что она попытается разузнать или, наконец, просто спросит у кельнера, как попало письмо в салфетку. А может быть, покажет его матери?

— Ну конечно, я об этом подумал. Но если бы вы видели эту девушку, это боязливое милое суще-

ство, видели, как она со страхом озиралась по сторонам, стоило ей случайно заговорить чуть громче, — у вас отпали бы все сомнения. Есть девушки, чья стыдливость настолько велика, что с ними можно поступать как вам заблагорассудится, ибо они совершенно беспомощны и скорее снесут все, что угодно, чем доверятся кому-нибудь. Я с улыбкой наблюдал за ней и радовался тому, что моя игра удалась. Но вот она вернулась — и кровь застучала у меня в висках. Это была другая девушка, другая походка. Она шла смятенно и взволнованно, жаркий румянец заливал ее лицо, очаровательное смущение сковывало шаги. И так весь день. Ее взгляд устремлялся к каждому окну, словно там ждала ее разгадка, провожал каждого, кто проходил мимо, и однажды упал на меня, однако я от него уклонился, боясь выдать себя даже движением век; но и в это кратчайшее мгновение я почувствовал такой жгучий вопрос, что почти испугался и снова, как много лет назад, понял, что нет соблазна сильнее, губительней и заманчивей, чем зажечь первый огонь в глазах девушки. Потом я видел, как она сидела между матерью и теткой, видел ее сонные пальцы, видел, как она по временам судорожно прижимала руку к груди, — без сомнения, она спрятала там письмо. Игра увлекла меня. Вечером я написал ей второе письмо, и так все последующие дни; мне доставляло своеобразное удовольствие описывать в своих посланиях чувства влюбленного юноши, изображать нарастание выдуманной страсти; это превратилось для меня в увлекательный спорт — то же самое, вероятно, испытывают охотники, когда расставляют силки или заманивают дичь под выстрел. Успех мой превзошел всякие

СОДЕРЖАНИЕ

ГУВЕРНАНТКА. <i>Перевод О. Боченковой</i>	5
ЛЕТНЯЯ НОВЕЛЛА. <i>Перевод С.Фридлянд</i>	25
В СУМЕРКАХ. <i>Перевод С. Фридлянд</i>	39
АМОК. <i>Перевод А. Баренковой</i>	78
ПИСЬМО НЕЗНАКОМКИ. <i>Перевод А. Баренковой</i> ...	150
ЛЕПОРЕЛЛА. <i>Перевод В. Топер</i>	203
ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА ИЗ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ. <i>Перевод О. Боченковой</i>	237
ШАХМАТНАЯ НОВЕЛЛА <i>Перевод В. Ефановой</i>	307